

УДК 94(470.47)
ББК 63.3(2)51+63.3(2Рос КалМ)

ОБЯЗАТЕЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В КАЛМЫЦКИХ КОЧЕВЬЯХ

НАКАНУНЕ РЕФОРМЫ 1892 г.

Л. С. Бурчинова, М. Н. Гиляшова

Обязательные (крепостнические, зависимые от светских и духовных феодалов) отношения у калмыков являлись «наследием» монгольско-ойратских предков. Они были, по мнению А. Н. Команджаева, узаконены «Великим Уложением» 1640 г. [Команджаев 1999: 151], впоследствии в России признаны и подтверждены Положениями 1834 и 1847 гг. с некоторыми изменениями, направленными на их приспособление к российской системе феодального права. С этого времени этническая знать делила право властвовать и управлять ими с царскими чиновниками. Калмыцкое крестьянство, именуемое бюрократией простолюдинами, оказалось не только под двойным управлением, но и, соответственно, под гнетом — традиционным и институциональным.

Длительное сохранение феодальной зависимости у калмыков-кочевников, управление которыми со временем было передано государственным институтам, предопределило в основном негативные последствия в социальных процессах их кочевий. В первую очередь это нашло проявление в состоянии сословий и отдельных социальных слоев кочевников.

Во второй половине XIX в. калмыцкие феодалы утрачивали полноценную способность адаптироваться к тем новым, капиталистическим, переменам, которые происходили в России под влиянием проводившихся буржуазных реформ. Если в 1862 г. в Астраханской губернии существовало 3 улусовладельческих и 6 мелкопоместных семей нойонов, приравненных к потомственному дворянству, то к началу 1892 г. их число уменьшилось на 1 единицу [Костенков 1879: 145]. Наблюдалось также численное сокращение состава их семей: от 41 до 35 душ [НА РК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 109. Л. 11, 74; Д. 174. Л. 41–44; Д. 364. Л. 61–64]. В Большедербетовском улусе Ставропольской губернии была одна семья нойона-улусовладельца. Речь идет о семье Гахаева.

В материальном отношении отличались не только наибольшей состоятельностью, но и устойчивостью положения нойоны-улусовладельцы — малодербетовский Тундутов, хошеутовский Тюмень, харахусо-эрдниевский Дугаров. Они владели сотнями, а Тундутов несколькими тысячами кибиток, в то время как у всех мелкопоместных нойонов было в 1861 г. 256 кибиток, из которых осталось менее 50 к 1892 г. [НА РК. Ф. 6. Оп. 1. Д. 160. Л. 58 об., 60–61; Ф. 9. Оп. 1. Д. 109. Л. 67 об., 76]. Последние, сохраняя формальный статус нойонов, фактически, по свидетельству К. И. Костенкова, подверглись люмпенизации [Костенков 1870: 145]. В отличие от них нойоны-улусовладельцы, используя свой дворянский статус, под влиянием укреплявшихся российских рыночных отношений начали перестраиваться. Хозяйственные успехи были связаны как с освоением ими, до известной степени, оседлого хозяйствования, при сохранении приоритетности кочевого скотоводства, так и попытками внедрить элементы товарной экономики, что неизбежно вело к усилению эксплуатации подвластных. Более всех преуспевал в этом отношении С. Д. Тюмень, хозяйство которого приобрело вполне зримые черты модернизовавшегося поместья русского дворянина: нойон располагал землями, на которых разводил сады, огороды, начал стационарно содержать скот, включая первое опытное стадо мериносовых овец, занимался племенным коннозаводством, сенозаготовками, выращивал рис и другие сельскохозяйственные культуры.

В целом калмыцкая знать продолжала видеть в качестве основного фактора упрочения своего материального положения подневольный труд зависимых калмыков-простолюдинов. В совокупности калмыцкие нойоны ежегодно получали от подвластных доход в виде различного рода податей и повинностей в размере примерно равном десятой части от всего их скота [Батыров 2009:

576], что в разы превышало официально законный сбор подати.

Формально они имели право на взаимные кибиточного сбора — албана, но существовали еще негласные права — также как возможность или уменьшить, или увеличить размер подати, или освободить от нее. Нойоны также вели фальсифицированный покибиточный и душевой учет, что открывало дополнительные каналы экономического и социального укрепления их позиций. Например, в начале 80-х годов XIX в. был установлен факт незаконных поборов 55 тыс. руб. Тундутовым. В эти годы в виде албана Тундутовы ежегодно собирали 19 844 руб. 50 коп. [Батыров 2009: 581].

Нойоны и зайсанги, имея права распорядителей пастбищ, находившихся в общественном пользовании всего калмыцкого народа, закрепляли за собой лучшие выпасы, луга и водопои, что гарантировало им экономическую состоятельность. При этом они нередко самовольно сдавали улусные, аймачные и хотонные земли в аренду, а выручку присваивали. В 1879 г. местной администрации стало известно, что вдова нойона Тюменя, Эльзен-Цок, с не установленного времени до 1877 г. ежегодно отдавала часть земельных угодий улуса в аренду татарам и лицам других национальностей [НА РК. Ф. 9. Оп. 4. Д. 378. Л. 942 об.].

Как видим, калмыцкая знать, заимствуя у русского дворянства рациональность поведения, пыталась перестраивать свое натуральное хозяйство в товарно-денежное. Одним из его главных проявлений было престижное потребление. В России, начиная с дворцовых переворотов, от него зависело общественное положение, важно было слыть престижным. Это порождало новые материальные потребности, вводило моду на расточительство, не свойственное традиционному обществу. Показная роскошь становилась жизненной необходимостью и для инородческой элиты, включая кочевников. Она требовала значительных расходов, которые не могли быть покрыты немалыми доходами нойонов. Смерть нойона нередко открывала картину его финансового банкротства. Целая армия кредиторов спешила с исками к его семье. Например, семье умершего в 1866 г. владельца Малодербетовского улуса Церен-Убуши Тундутова кредиторы предъявили иск на общую сумму в 17 тыс. руб. при оценке всего его наследства в 26,6 тыс. руб. [НА РК. Ф. 9.

Оп. 4. Д. 180. Л. 61; Оп. 1. Д. 19. Л. 5]. Долги знати нередко перекладывались на рядовых кочевников. Расточительный образ жизни мог привести и к временной утрате нойоном права управлять улусом, что случилось, например, с Церен-Надмитом Тюменем. Над его владением была учреждена опека [НА РК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 25. Л. 11 об.—12; Д. 36. Л. 671–671 об.; Ф. Р-145. Оп. 1. Д. 258. Л. 47].

Калмыцкие зайсанги делились на аймачных, приравненных к потомственным гражданам, и безаймачных на правах личных граждан и располагали правом наследования только по мужской линии. В 7 улусах Калмыцкой степи Астраханской губернии в начале 1890-х годов числилось в семьях аймачных зайсангов 450 душ обою пола и в семьях безаймачных зайсангов более 1,8 тыс. душ обою пола [НА РК. Ф. 21. Оп. 1. Д. 384. Л. 23, 25 об.; Д. 500. Л. 14 об.—30].

Типичное положение калмыцкого зайсангства можно описать на примере состояния 27 семей зайсангов Багацохуровского улуса, где наглядно видно, каких размеров достигла социальная деградация этого слоя этнической знати. В аймаках данного улуса в 1864 г. было учтено 1 296 окладных (облагаемых албаном) кибиток, из них 4 семьи имели под своим началом 2–5 кибиток, 5 семей — от 10 до 20, 12 семей — до 50, 4 семьи — до 100 и только 2 семьи — свыше 100 кибиток. Самым состоятельным среди них был Цебек-Джал Онкоров, под его началом находилось 354 кибитки. Занимаемую должность правителя улуса он, похоже, рассматривал не как обязанность пещься о благополучии людей, а как право на самоуправство. По мнению чиновников, местные улусные люди в большинстве своем представляли «сплошную голь и нищету» [НА РК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 115. Л. 77, 140 об.]. В качестве возможностей обогащения Онкоров использовал не только вышеуказанные способы, но и возможности, традиционные для закрытых обществ. Вымогательство, шантаж, откровенное насилие были характерны, отметим справедливости ради, для всей знати [НА РК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 105. Л. 15–19; Ф. Р-145. Оп. 1. Д. 152. Л. 2], которая во второй половине XIX в. не брезговала и фальсификацией приговоров общественных сходов [Дуброва 1898: 120].

Зайсанги вслед за нойонами-улусовладельцами также осваивали некоторые эле-

менты оседлого хозяйствования — строительство временных и постоянных укрытий для скота, заготовку кормов, применение труда вольнонаемных работников, культивирование улучшенных пород скота и т. д. Они стали уступчивее и в отпуске своих аймачных людей в отхожие промыслы. Речь идет о немногих предприимчивых зайсангах. Основная масса этой категории знати, которая более всего полагалась на традиционные методы хозяйствования, стремительно разорялась, особенно безаймачные зайсанги. По данным переписи 1876 г., в 7 улусах Калмыцкой степи Астраханской губернии практически каждый пятый из них не имел вообще никакого хозяйства, а почти каждый второй отнесен к владельцам, в хозяйстве которых было от 1 до 100 гол., исходя из расчета 1 гол. крупного = 4 гол. мелкого скота. При этом 25 семей зайсангов были официально зарегистрированы как живущие за счет найма на работу пастухами [РГИА. Ф. 385. Оп. 11. Д. 6773. Л. 57–58 об.].

Все податное население в степи было разделено на окладное и временно неокладное. На протяжении всего XIX в. число последних неуклонно росло, сборы с податных калмыков неуклонно снижались. Соответственно росли недоимки (задолженности). К моменту отмены обязательных отношений калмыцкого крестьянства от нойонов и зайсангов задолженность по окладным сборам достигла более 860 тыс. руб. [НА РК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 109. Л. 71–72].

Правительство пыталось жестко контролировать решения общественных сходов, требуя принятия своевременных мер по окладным сборам. Не возлагая надежд на демчеев (сборщиков албана), хотя их число было увеличено, каждый раз в аймаки и хотоны обязательно командировались служащие управления, которых сопровождали полицейские-стражники. Бывали случаи, когда насильно отбирали скот в счет выплаты оклада и здесь же в хотоне или на ближайшей ярмарке продавали его. Фактически ни одна ярмарка в степи не проходила без демчеев. Демчеи с той же целью отправлялись и на места отхожих промыслов. Часто случалось, что приговоры общественных сходов обязывали зажиточных и среднего достатка хотонцев оплачивать подати имущественно несостоятельной семьи. Это вело к негативным последствиям социально-экономического характера.

Самым злободневным для властей был и оставался вопрос накопления недоимок на содержание управления, в общественный капитал. Недоимки взыскивались путем уравнительной раскладки, исходя из числа окладных кибиток и степени их состоятельности. Иначе говоря, неравная раскладка и выплата окладных сборов практиковалась как между отдельными кибитками-семьями, так и между аймаками. В общественных приговорах неоднократно высказывались опасения, что при таком способе взыскания податей хозяйства среднего и выше достатка со временем окажутся в равном положении с бедными, что в целом впоследствии приведет к оскудению народа.

Введенный дифференцированный подход улусных и аймачных сходов в распределение суммы оклада на каждую платежеспособную кибитку-семью в большинстве случаев не мог обеспечить полноту поступивших сборов. К тому же власти особенно следили за тем, чтобы поступление сбора шло со всех положенных в оклад кибиток, независимо от изменений в их составе, то есть полагалось платить и за убывшие или «мертвые» кибитки. Последние исключались из оклада только по проведении местной, так называемой домашней переписи-ревизии населения (1862 и 1876 гг.). Поэтому размер фактического оклада, приходившийся на каждую кибитку, был неодинаков. Чтобы как-то предотвратить формирование и рост задолженностей, некоторые общественные сходы были вынуждены принимать приговоры о взыскании оклада и с тех лиц, которые не были семейными (т. е. были неокладными по закону, но трудились и имели заработок). Например, в Хошеутовском улусе в 1868 г. было решено таким способом погасить накопившиеся недоимки: все работавшие несемейные лица были обязаны внести по 1 руб. [НА РК. Ф. 9. Оп. 4. Д. 180. Л. 250–254].

Натуральные повинности выполнялись не лучшим образом, хотя в их содержании и способах исполнения произошли, на первый взгляд, послабления вследствие развития рыночно-капиталистических отношений в стране. В Калмыцкой степи начали практиковать денежную форму их реализации.

В результате политического освоения Кавказа с ликвидацией в 1866 г. Кумо-Манычской кордонной линии отпала необходимость в ежегодном наряде 200 конников из Калмыцкой степи и 10 — из Боль-

шедербетовского улуса. Однако в 1868 г. была введена полицейско-пикетная служба [Burchinova 1994: 193], осуществлявшаяся первоначально 10, а затем 7–8 командами по 10 и 8 конников в каждой. Наряду с такими натуральными повинностями, как поставка по требованию властей подвод, лодок, кибиток, топлива, фуража для лошадей, наряда рабочих, рассыльных, сторожей и т. д., она также была обременительной для кочевников. Позже правительство было вынуждено ввести вольнонаемную полицейскую стражу, часть содержания которой осуществлялась за счет так называемого уравнительного денежного сбора с калмыков всех улусов, независимо от их социальной принадлежности, то есть он был всеобщим. Это объяснялось стремлением правительства обеспечить полноту денежного сбора, предназначенного для исполнения натуральных повинностей.

Сверх регламентированных статей натуральных повинностей над калмыцким крестьянством тяготел ряд не менее тяжелых временных работ — несение карантинной службы во время эпизоотий, истребление сельскохозяйственных вредителей — саранчи, кузнечика, пруса, обеспечение работ, например, по межеванию, лесоразведению и т. д. Практиковалось большое число всевозможных негласных поборов, в том числе и в пользу чиновников местного управления вплоть до аймачных старост и старшин. Они, по заключению одной из правительственных комиссий, работавшей в начале 80-х годов XIX в. над проектом управления калмыцким народом, составляли в год не менее 2 руб. с окладной кибитки. Иначе говоря, все подати в общей сумме могли составлять от 15 до 18 руб. [РГВИА. Ф. 330. Оп. 61. Д. 1882. Л. 6], не считая незаконных поборов светских и духовных феодалов. Между тем, на потребу так называемых религиозных нужд затраты семьи колебались в пределах от 1 до 20 руб. в год [НА РК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 20. Л. 46 об.].

Тяжесть совокупно взятых повинностей не была соразмерна с материальным положением подавляющей части калмыцкого крестьянства. Основная масса простолюдинов была бедна. В распределении скота на душу населения она занимала последнее место, и наблюдалась тенденция к уменьшению этого показателя. По данным переписи-ревизии 1868 г. только третья часть калмыцких крестьян занималась скотовод-

ством, половина из них жила за счет постоянного найма на разные работы [Костенков 1870: 168]. Если условно принять, что в крестьянском хозяйстве среднего достатка было от 50 до 100 гол. мелкого скота, как считал правитель самого бедного, Яндыковского улуса, Бадмаев [НА РК. Ф. 9. Оп. 4. Д. 551. Л. 27 об.], то применительно к данным переписи-ревизии 1876 г. в степи было 80 % бедных, 1,05 % средних и 18,95 % зажиточных хозяйств [РГВИА. Ф. 385. Оп. 11. Д. 6773. Л. 59 об.].

В отличие от остальных, в Большедербетовском улусе в 1881 г. 54 % крестьянских хозяйств не занимались скотоводством [Бурдуков 1898: 72–73]. Здесь с приобщением кочевников к земледелию основным мерилom состоятельности становилась земля, точнее, земельный пай каждого хозяйства. В связи с этим в 1850 г. калмыки Большедербетовского улуса продали скота всего на сумму 15 520 руб., что равнялось сумме албана со всего улуса. Недоимки калмыков этого же улуса в 1892 г. составили 18 800 руб. [Батыров 2009: 581].

В зажиточных хозяйствах применялся наемный труд — нередко в завуалированной форме оказания помощи бедного родственника богатому покровителю. Последний, следуя нормам традиционного господства, брался выплачивать за бедняка подати, оказывал ему материальную помощь. Например, он мог дать овцу, корову на подой, шерсть, кошму, тулуп и т. п. «Вспоможение» превращалось в долговую кабалу, личную зависимость.

С постепенным сокращением земельной площади, находившейся в пользовании калмыцкого народа, в крестьянских семьях среднего достатка хозяева сами ухаживали за скотом, заготавливали сено, строили загоны, катухи. Они практиковали временный (сезонный) найм 1–2 работников. Так же как и зажиточные хозяева, середняки выделяли производимую продукцию на продажу, однако, в отличие от них, не утруждали себя выплатой подати за бедных. Вместе с тем, следуя обычаям, середняк мог пожертвовать в их пользу 1–5 гол. овец в год.

Наиболее зримо кризис обязательных (крепостнических) отношений в калмыцких улусах проявлялся в отходничестве. Данные статистики билетов, выдаваемых для найма в работы, свидетельствовали о том, что этот процесс неуклонно прогрессировал. Иначе говоря, калмыцкие феодалы не

прочь были получить албан со своих подданных, а российская власть — свою часть сборов, поэтому теперь обе стороны предпочитали не чинить непреодолимые препятствия отходничеству калмыков из кочевий. Если в 1849–1861 гг. общее число выданных Управлением калмыцким народом билетов колебалось в пределах 10–12 тыс. в год, то в 1870-е годы — 12,5–16,5 тыс. в год, во второй половине 1880-х — начале 1890-х годов — 15–26,5 тыс. Бедняки временно, а в ряде случаев навсегда, были вынуждены уходить в соседние с Калмыцкой степью селения, причем не только в уезды Астраханской, Ставропольской, Саратовской губерний, но и в станицы Донского казачьего войска и Черноморского, влившегося в Кубанское казачье войско.

Преимущественная часть обедневших скотоводов уходила на рыбные и соляные промыслы, предприниматели которых, постоянно нуждаясь в рабочих, не скупилась на выдачу прибывавшим калмыкам задатков, превышавших на 50 и более процентов оговоренной суммы контракта. Последние рассматривали его как форму долговой кабалы, так как на промыслах царил обстановкой жестокой эксплуатации, изощренная система обчетов. Например, суточная плата каждого нанятого калмыка в самую страдную пору рыболовного сезона составляла в среднем 30–31 коп. Это, по свидетельству И. А. Житецкого, было не только в несколько раз ниже средней рыночной стоимости рабочих рук в целом по Астраханской губернии, но даже ниже суточной платы труда рабочего-мужчины в зимнее время, когда спрос на рабочую силу резко снижался [Житецкий 1892: 46]. Годовой заработок взрослого мужчины на промыслах колебался от 40 до 100 руб. В качестве рабочей силы на промыслы также привлекались женщины и подростки. Труд этой категории инородцев оплачивался гораздо ниже. В особенно бедственном положении находились ватажные рабочие-калмыки, жившие постоянно на промыслах. Являясь самыми несостоятельными из соплеменников, они рано умирали, страдая от разных тяжелых болезней, бесправия и произвола. Однако степь неумолимо и с завидным упорством выталкивала новых калмыков на промыслы. В 1874 г. скотоводство обеспечивало существование только 10 % калмыцкого населения Астраханской губернии, а 90 % вынуждено было полагаться на

занятия рыболовством и ломкой соли [Батыров 2009: 581].

Социальное состояние калмыцких кочевий, являвшихся в прямом и переносном смысле периферией России, накануне отмены обязательных отношений в них свидетельствовало о следующем:

1. Будучи подведенными под общий великодержавный имперский ранжир, кочевья калмыков-инородцев сохраняли отжившие в социальном плане феодальные основы существования. Это вполне устраивало местную знать, которая не проявляла намерений изменить свой привилегированный статус. Ее удовлетворяло закрепление российским законодательством господствующего положения в собственно калмыцком, а теперь и в российском обществах как феодальных собственников.

2. Объективно сохранение указанных основ в социальном развитии калмыцких кочевий не соответствовало тем коренным переменам, которые происходили в самом российском обществе. Модернизация последнего в русле проводившихся буржуазных реформ, как в зеркале, отражалась в названном национальном регионе.

3. Перемены коснулись всех калмыцких сословий, которые в выстраиваемых новых, капиталистических, условиях развития были вынуждены перестраиваться, а именно: немногочисленная калмыцкая знать в лице улусовладельцев и отдельных представителей зайсангов выступала инициаторами новых явлений в ведении собственного хозяйства, видоизменяла требования к податному населению. Однако все новшества не нарушали саму суть господствовавших в калмыцких кочевьях феодальных отношений. В результате трудовое закрепощенное население кочевий, оказавшись «между молотом и наковальней», стремительно пополняло широкие ряды маргиналов и люмпенов. Распространение денежной формы повинностей, сборов, и не только их, обусловило превращение отходничества в массовое явление. Все это вело к распространению различных форм миграции, — постоянной, временной и сезонной.

4. Развитие российского капитализма вширь в рассматриваемом национальном регионе проявлялось как в его социальном, так и экономическом состоянии. Рост ценности недвижимости (в данном случае, земли) привел к новому сокращению тер-

ритории кочевий, что, в свою очередь, поставило вопрос о существовании основной хозяйственной отрасли — скотоводства, со всеми вытекающими отсюда многообразными последствиями.

Все названные нами эволюционного свойства изменения, так или иначе, объективно выдвигали на первый план необходимость всестороннего реформирования калмыцких кочевий Российской империи.

Источники

Казенное учреждение Республики Калмыкия «Национальный архив» (НА РК).

Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА).

Российский государственный исторический архив (РГИА).

Литература

Батыров В. В. Социальная структура калмыцкого общества, налоги и повинности // *История Калмыкии с древнейших времен до наших дней*: в 3 т. Элиста: «Издат. дом «Герел», 2009. Т. 1. С 572–582.

Бурдуков Н. Ф. Доклад... Министру земледелия и государственного имущества чиновника особых поручений Н.Бурдукова по командировке в Большедербетовский улус

Ставропольской губернии, осенью 1898 г. [СПб.]: В.Мещерский, [1898]. 126 с. [Библиогр.]: С. 2–33 [назв.].

Burchinova L. S. Rossijskie reformy v kalmytskich kochev'yakh // OPUSCULA ALTAICA. Essays Presented in Honor of Henri Schwarz. Edited by Edward H. Kaplan and Donald W. Whisenhunt. Western Washington, 1994. P. 187–199.

Дуброва Я. П. Быт калмыков Ставропольской губернии до издания закона 15 марта 1892 г. Казань: Известия отдела археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете, 1898. Т. XV. Вып. 1–2. 239 с.

Житецкий И. А. Астраханские калмыки (наблюдения и заметки) в двух очерках // Сборник трудов членов Петровского общества исследователей Астраханского края. Астрахань: Тип. «Астраханского Листка», 1892. 214 с.: 33 рис.

Команджаев А. Н. Хозяйство и социальные отношения в Калмыкии в конце XIX — начале XX века: исторический опыт и современность. Элиста: АПП «Джангар», 1999. 262 с.

Костенков К. И. Исторические и статистические сведения о калмыках, кочующих в Астраханской губернии. СПб.: Тип. С. Нусвальта, 1870. 170 с.